

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ ЦИФРОСЕКСУАЛИЗМА

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-3-47-56>

В условиях, когда для удовлетворения сексуальных потребностей люди все чаще используют цифровые и информационно-телекоммуникационные технологии, актуальными являются изучение и оценка возможных криминологических рисков. Предметом исследования является взаимосвязь между цифросексуализмом и совершением преступлений. Цель работы – выявить криминологические риски цифросексуализма, обосновать их реальность и значимость, сформулировать предложения по их минимизации. Выводы исследования сделаны на основе изучения отечественной и зарубежной литературы в области криминологии, уголовного права, психологии, анализа интернет-источников и правоприменительной практики. В результате автором выявлены семь основных криминологических рисков цифросексуализма: совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних; совершение преступлений в отношении лиц, склонных к посягательствам на половую неприкосновенность несовершеннолетних; порноместь; расширение рынка порнографической продукции; трансформация сферы коммерческих сексуальных услуг; использование нейросетей для изменения внешности героев порнографического видеоконтента; прогнозируемые криминологические риски «второй волны» цифросексуализма, связанные с использованием технологий виртуальной и дополненной реальности, а также секс-роботов для удовлетворения девиантных сексуальных потребностей. Результаты работы могут применяться в ходе дальнейших криминологических исследований, при совершенствовании законодательства, актов судебного толкования уголовно-правовых норм, для организации правоохранительной деятельности и профилактики преступлений.

СОЛОВЬЕВ

Владислав Сергеевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
и криминологии Краснодарского
университета Министерства
внутренних дел РФ (г. Краснодар)
vladsolovyev@mail.ru

**Цифросексуализм;
порноместь;
развратные действия;
порнография;
теледильдоника;
вебкам-порно;
секстинг**

Vladislav S. SOLOVYOV

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian
Federation (Krasnodar)
vladsolovyev@mail.ru

CRIMINOLOGICAL RISKS OF DIGISEXUALITY

In an environment where, to satisfy sexual needs, people are increasingly using digital and information and telecommunication technologies, the study and assessment of possible criminological risks is relevant. The subject of the study is the relationship between digisexuality and crime. The purpose of the work is to identify the criminological risks of digisexuality, to substantiate their reality and significance, to formulate proposals for minimizing them. The findings of the study are based on the study of domestic and foreign literature in the field of criminology, criminal law, psychology, analysis of Internet sources and law enforcement practice. As a result, the author identified seven main criminological risks of digisexuality: the commission of crimes against the minors sexual integrity; the commission of crimes against persons prone to assault on the minors sexual integrity; revenge porn; expanding the market for pornographic products; transformation of commercial sex work; the use of neural networks to change the appearance of the heroes of pornographic video content; the predicted criminological risks of the "second wave" of digisexuality associated with the use of virtual and augmented reality technologies, as well as sex robots to satisfy deviant sexual needs. The results of the work can be applied in the course of further criminological studies, while improving legislation, acts of judicial interpretation of criminal law, for the organization of law enforcement and crime prevention.

**Digisexuality;
revenge porn;
depraved actions;
pornography;
teledildonics;
webcam porn;
sexting**

Развитие цифровых и информационно-телекоммуникационных технологий привело к трансформации отношений между людьми во многих сферах. Исключением не является и сфера сексуальная.

Одними из первых научное внимание на это обратили канадские ученые *Neil McArthur* и *Markie L.C. Twist* [1, р. 334–344]. Именно они предложили ввести в научный оборот термин «цифросексуализм», который можно толковать как использование цифровых технологий для получения сексуального удовлетворения. Ученые описали две волны развития сексуальных технологий и цифросексуализма.

Первая волна характеризовалась тем, что технологии обеспечивали сексуальную связь с партнером-человеком. Многие из технологий первой волны продолжают развиваться, одновременно появляются новые. К ним можно отнести традиционную цифровую порнографию, секс-чаты, средства для совершения сексуальных действий в прямом эфире между двумя или несколькими партнерами. Есть множество программных средств, например *Skype* и *Snapchat*, которые специально не предназначены для сексуального взаимодействия, но часто используются для этой цели. К тому же есть коммуникационные технологии, разработанные специально для удовлетворения сексуальных потребностей, позволяющие имитировать физическое взаимодействие между партнерами. К ним относится теледильдоника, позволяющая пользователям «чувствовать» друг друга виртуально через секс-игрушки, которыми партнер управляет дистанционно или которые реагируют на движения партнера. Они используются не только людьми, состоящими в отношениях, но и секс-работниками, которые могут взаимодействовать с клиентами виртуально. Кроме того, частью первой волны цифросексуализма являются сетевые технологии, такие как социальные медиа, сайты знакомств в Интернете, мобильные приложения, сетевые игры.

Наиболее распространенным проявлением первой волны цифросексуализма является секстинг – пересылка сообщений эротического содержания, интимных фотографий и видеозаписей при помощи современных средств связи. В докладе *E. Stasko* и *P. Geller* на 123-й ежегодной конференции американской психологической ассоциации прозвучало, что 87,8% людей хоть раз использовали секстинг, а 82% делали это в прошедшем году [2]. Согласно исследованию, проведенному производителем антивируса *McAfee*, около половины взрослых используют мобильные устройства, чтобы обмениваться сообщениями о сексе и откровенными фото. Из них 77% отправляют такие сообщения партнерам, а 16% – незнакомцам [3].

Цифросексуализм второй волны находится на ранней стадии развития. Определяющей его чертой является либо полное отсутствие человека – сексу-

ального партнера, либо его несущественная роль. Воплощением второй волны цифросексуализма в настоящее время являются секс-роботы (*sexbots*) и VR-секс. Каждая из этих технологий качественно отличается от того, что предлагают технологии первой волны. Секс-роботы становятся все более реалистичными, приближаются к человеку как по анатомическим характеристикам, так и по возможности установления эмоциональной связи с людьми благодаря использованию искусственного интеллекта. *Neil McArthur* и *Markie L.C. Twist* прогнозируют рост числа людей, которые будут использовать роботов в качестве основного способа получения сексуального удовлетворения [1, р. 334–344].

VR-секс – это технология, использующая либо трехмерную компьютерную среду, либо дополненную реальность, для совершения сексуальных действий. VR качественно отличается от других цифровых технологий «ощущением присутствия», иллюзией правдоподобности происходящих событий в человеческом мозгу.

Будущее цифросексуализма труднопрогнозируемо, однако с высокой степенью уверенности можно говорить об увеличении масштабов использования цифровых технологий для удовлетворения сексуальных потребностей. Есть основания полагать, что в целом их эффект будет позитивным. Они позволят людям испытывать больше сексуального удовольствия, обеспечат доступ к сексуальному удовлетворению для людей, у которых есть проблемы с поиском сексуальных партнеров (людей с ограниченными возможностями, людей, предпочитающих девиантные способы удовлетворения сексуальных потребностей, людей, испытывающих психологические проблемы, жертв сексуальных травм и др.). Однако наряду с позитивным эффектом цифросексуализма существует ряд серьезных криминологических рисков, последствия которых либо уже серьезно влияют на криминальную ситуацию, либо начнут влиять на нее в ближайшей перспективе.

1. Цифросексуализм повышает риск совершения посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних.

По результатам анализа обращений детей и их родителей на линию помощи «Дети Онлайн» по вопросам столкновения с различными проблемами в Интернете, а также при использовании цифровых устройств установлено, что различные формы сексуальных домогательств: секстинг, грумминг, онлайн-знакомства являются одними из самых распространенных коммуникационных рисков (28% всех обращений по коммуникационным рискам) [4, с. 50–66].

Согласно данным исследования «Лаборатории Касперского» более половины опрошенных школьников получали в социальных сетях предложения

дружить от незнакомых людей, а более трети – встречались с людьми, с которыми познакомились в социальных сетях. При этом 11% опрошенных родителей отметили, что к их детям в возрасте 11–14 лет за последний год пытались «втереться в доверие» незнакомые взрослые [5].

Схожие данные публикуют и зарубежные исследователи. По данным *Statistic Brain Research Institute*, среди подростков 13–19 лет каждый второй получает сообщения о сексе, а пишут их 39%. Откровенными фото обменивается каждый пятый подросток. При этом 40% девочек-подростков на вопрос, зачем они шлют контент с сексуальным подтекстом, отвечают, что это была шутка, 34% хотят почувствовать себя сексуальными, а 12% делают это под давлением. Около 15% отправляют откровенные сообщения людям, с которыми они знакомы лишь онлайн [6].

На актуальность проблемы указывают и руководители правоохранительных ведомств, и представители научной общественности. А. И. Бастрыкин, анализируя проблему посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, отмечает, что «в большинстве случаев дети, совершившие первый неверный шаг, отправив фото или видео, продолжают находиться во власти педофила, выполняя все более изощренные требования. Педофилы умело манипулируют детьми, играя на чувстве страха, вины, стыда, боязни быть разоблаченными перед одноклассниками или друзьями, а самые близкие люди не объясняют им, что поддаваться на интернет-шантаж ни в коем случае не следует» [7, с. 7].

По мнению Е. А. Алиевой, «особенно уязвимыми являются дети и подростки – несовершеннолетние в возрасте до шестнадцати лет. Как правило, они проявляют неосмотрительное виктимное поведение, охотно вступая в контакт с незнакомцами, раскрепощенно обсуждая интимные темы и пересылая свои откровенные фото- и видеоизображения собеседнику» [8, с. 180].

Наиболее ярко иллюстрирует механизм взаимодействия преступника и жертвы приговор Сулейман-Стальского районного суда Республики Дагестан, которым установлено, что «Ф., являясь лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, заведомо зная о том, что К. является лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, используя в своем мобильном телефонном устройстве мобильное приложение «WhatsApp», посредством сообщений, аудио- и видеозвонок на мобильный телефон К., с целью возбудить у последней преждевременный извращенный интерес к сексуальным отношениям, имея преступный умысел, направленный на совершение в отношении несовершеннолетней К. развратных действий без применения насилия, осознавая общественную опасность своих действий и осознавая, что побуж-

дает у К. нездоровый сексуальный интерес, что негативно влияет на ее нормальное физиологическое и психологическое развитие, потребовал у последней отправить фотографии своих интимных частей тела. В последующем Ф. потребовал у К. продемонстрировать свои интимные части тела, что последняя и сделала, тем самым совершил в отношении последней развратные действия без применения насилия.

Он же, Ф., после совершения развратных действий в отношении К., преследуя умысел на получение материальной выгоды для себя, используя в своем мобильном телефонном устройстве мобильное приложение «WhatsApp», посредством сообщений на мобильный телефон К., под угрозой распространения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» сведений, порочащих потерпевшую, порочащих ее честь, достоинство – фотографий интимных частей тела К., незаконно, из корыстных побуждений потребовал от К. перевести на его банковскую карту денежные средства в сумме 10 000 рублей. К., боясь распространения порочащих сведений, порочащих ее честь и достоинство, дала согласие на перечисление денежных средств лишь в сумме 5000 рублей, которыми располагала на тот момент» [9].

Западные ученые установили корреляцию между вовлеченностью несовершеннолетних в процессы интернет-коммуникации и интересом к сексуальным отношениям. В исследовании, проведенном и опубликованном в 2011 г., приняли участие 555 подростков из 12 школ американского штата Мэриленд. Результаты показали, что у тех, кто отправляет от 100 до 200 сообщений в день, готовность к генитальному контакту выше, чем в группе отправляющих менее 100 сообщений, и ниже, чем в группе активностью более 200 сообщений. Объемы и скорость коммуникаций ведут к увеличению вариантов выбора и, следовательно, к росту общего количества сексуальных контактов [10, р. 800–804].

Таким образом, очевидно, что вовлеченность несовершеннолетних в коммуникационные процессы и цифросексуализм создает повышенные криминологические риски совершения в отношении них развратных действий и выводит на первый план возможности виктимологической профилактики противоправных деяний.

2. Цифросексуализм способствует совершению преступлений в отношении лиц, склонных к посягательствам на половую неприкосновенность несовершеннолетних.

Подобные преступления уже выступали в качестве объекта криминологического исследования и именовались «преступлениями, совершаемыми группами антиобщественной направленности по мотивам социальной справедливости» [11, с. 70–74]. Позволим себе не в полной мере согласиться с предлагаемой автора-

ми формулировкой мотивации таких преступлений. В большинстве случаев преступники преследуют цели получения прямой (вымогательство, шантаж, проведение публичных платных мероприятий по выявлению и «наказанию» педофилов с предварительной записью желающих принять участие) или косвенной («хайп», монетизация видеоотчетов о мероприятиях, размещенных на видеохостингах, поиск спонсоров и др.) материальной выгоды, о чем свидетельствуют как результаты научных исследований [12, с. 78–82], так и материалы судебной практики. К примеру, Ш., Н. и М., действуя группой лиц по предварительному сговору, договорились, что Ш. с помощью своего знакомого, имеющего доступ к сети Интернет, посредством общения в социальных сетях на интимные темы от имени выдуманного персонажа – 15-летней «Е.», пригласит на встречу лицо мужского пола. После этого на встречу с неизвестным в качестве «Е.» придет М., а также Н. с Ш., которые под видеозапись заставят его признаться в совершении развратных действий в отношении несовершеннолетней и под угрозой распространения в сети Интернет видеозаписи, позорящей честь и достоинство, будут требовать от пострадавшего выплаты им денежных средств. Впоследствии задуманное было реализовано [13].

Не вдаваясь в дискуссию относительно подлинной мотивации подобных преступлений и возможной социальной пользы от таких деяний, заметим, что их совершение становится возможным только в условиях значительных масштабов цифросексуализма, когда лица, испытывающие сексуальное влечение к детям или подросткам, ведут целенаправленный поиск несовершеннолетних в сети Интернет для совершения развратных действий или действий сексуального характера в ходе встреч офлайн.

3. Цифросексуализм способствует увеличению масштабов порноместности.

В самом широком смысле порноместность можно определить как распространение в сети Интернет интимных фотографий или видеозаписей без согласия изображенного на них лица.

Выделяются следующие разновидности порноместности:

- распространение эротических фотографий и видеозаписей, которые потерпевшие сами присылали виновным лицам;
- распространение эротических фотографий и видеозаписей, которые виновные лица изготавливали самостоятельно с разрешения потерпевших;
- распространение эротических фотографий и видеозаписей, которые виновные лица изготавливали самостоятельно без разрешения потерпевших (например, используя скрытую фото- или видеосъемку);
- распространение эротических фотографий и видеозаписей, которые виновные получали незаконно путем копирования с устройств, принадлежащих потерпевшим или другим лицам, либо путем неправо-

мерного доступа к страницам в социальных сетях, мессенджерам, электронной почте и т.п.

Все перечисленные действия могут как сопровождаться, так и не сопровождаться вымогательством денежных средств или иных ценностей в обмен на отказ от публикации материалов в сети Интернет, а равно в обмен на удаление уже опубликованных материалов [14, с. 60–64].

Преступления, обусловленные порноместностью, являются прямым следствием масштабов цифросексуализма и, в частности, секстинга. Это подтверждается изучением материалов правоприменительной практики. Было проанализировано содержание 70 итоговых процессуальных решений по делам, связанным с порноместностью (обвинительные приговоры судов и постановления о прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям по ст. 137 УК РФ), в 44 из которых были описаны обстоятельства, при которых предмет порноместности (интимные фотографии, видеозаписи, фрагменты переписки) оказался у преступника. В 31,8% случаев потерпевшие сами присылали такие материалы будущим злоумышленникам. Еще в 36,4% случаев жертвы порноместности отправляли фото или видео другим лицам, однако по каким-либо причинам содержание переписки стало доступно преступнику (как правило, в результате неправомерного доступа к компьютерной информации или физического доступа к средствам коммуникации). Таким образом, 68,2% случаев порноместности были обусловлены секстингом.

В условиях серьезных масштабов секстинга порноместность трансформируется в один из видов криминального бизнеса: преступники или целенаправленно «выманивают» у потенциальных жертв материалы интимного характера для последующего вымогательства денежных средств под угрозой их распространения, или путем неправомерного доступа к аккаунтам в социальных сетях или мессенджерах осуществляют поиск эротических фотографий или видеозаписей в тех же целях.

Так, у «Т., имеющего образование по специальности техник-программист, из корыстных побуждений возник преступный умысел, направленный на вымогательство денежных средств у пользователей социальной сети под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевших. Во исполнение своего преступного умысла Т. при помощи неустановленного технического устройства, функционально подключенного к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», «взломал», то есть получил неправомерный доступ к странице пользователя П. на сайте социальной сети, откуда незаконно, без согласия потерпевшей скопировал и сохранил на своем неустановленном в ходе следствия техническом устройстве фотографии П. в обнаженном виде, изображающие интимную сторону ее жизни. После этого Т. путем пе-

реписки (направления сообщений через систему отправки сообщений социальной сети) со своей страницы пользователя социальной сети с П., высказал ей требование о передаче ему денежных средств в размере 5000 рублей путем перевода денежных на зарегистрированный на него QIWI-кошелек, угрожая при этом в случае не передачи ему указанной суммы денежных средств распространить о П. сведения, порочащие потерпевшую, а именно разместить на ресурсе (сайте) со свободным доступом фотографии П. в обнаженном виде. В постановлении о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа получили оценку пять фактов вымогательства в отношении пяти разных пользовательниц социальной сети, совершенных одинаковым способом» [15].

Еще одним проявлением порноности можно считать формирование «баз данных» интимных фотографий или видеозаписей, полученных в результате секстинга или в ходе неправомерного доступа к компьютерной информации. В онлайн-среде они обозначаются термином «сливы», т.е. результат «слитых» в сеть интимных фотографий и видеозаписей.

Такие базы концентрируются на трех основных площадках:

1) сообщества в социальных сетях. В ходе контент-анализа социальной сети «ВКонтакте» были обнаружены сообщества: «Курицы Архангельска» – 36 тыс. участников; «Курицы Барнаула» – 22 тыс. участников; «Челнинские курицы» – 30 тыс. участников (аналогичные группы имеются практически в любом крупном городе России); «Шкуры твоего города» – 72 тыс. участников; «Слитые шкуры» – 7 тыс. участников и др.;

2) ресурсы *Darknet*: *Vk-photo.onion*, форумы *4chan*, *два.ч* и др.;

3) *telegram*-каналы: «Топор», «Принцессы тиндера», «Современные шкуры», «Шкуронадзор» и др.

Можно обозначить следующие источники пополнения подобных ресурсов интимными фото- и видеоматериалами:

– интимные переписки бывших сексуальных партнеров, супругов, людей, состоящих в отношениях, «слитые» одним из них;

– материалы, полученные путем неправомерного доступа к страницам в социальных сетях, мессенджерам, электронной почте и т.п.;

– интимные фотографии и видеозаписи, присланные за деньги, подарки, иные формы материального вознаграждения;

– материалы, полученные в ходе «кастинга» кандидаток на роль «содержанок», «эскортниц». В этом случае девушкам предлагаются долговременные сексуальные отношения за материальное вознаграждение, для чего они должны «зарекомендовать» себя, прислав интимные фотографии или видеозаписи;

– опубликование фотографий или видеозаписей лиц, оказывающих платные сексуальные услуги в ре-

жиме онлайн (например, мастурбирующих в прямом эфире).

Решение вопросов о разделении ответственности между администраторами сообществ, где опубликованы интимные фото- и видеоматериалы, и лицами, предоставившими контент для размещения, – серьезная юридическая проблема. Администраторы привлекаются к ответственности в единичных случаях. Так, Л., являясь администратором интернет-сообщества «Курицы Костромы», с целью повышения популярности данного сообщества среди пользователей сети Интернет путем незаконного собирания и распространения среди участников данного сообщества при помощи сети Интернет сведений о частной жизни лиц женского пола, проживающих на территории города Костромы, составляющих их личную тайну, без их согласия, получил от не установленного следствием лица три фотографии ранее ему не знакомой К., в том числе одну фотографию с изображением полового акта с участием К., т.е. содержащую сведения о частной жизни К., составляющие ее личную тайну. После этого Л. с помощью имеющегося у него компьютера, действуя из вышеуказанных побуждений, умышленно, незаконно, без согласия К., добавил (разместил для публичной демонстрации) на сайте «vk.com» на «стене» страницы сообщества «Курицы Костромы» (адрес страницы https://vk.com/Kostroma_kur), в котором зарегистрировано более 9 тыс. участников, в открытом доступе с возможностью просмотра и копирования любым участником указанного сообщества полученные им файлы, включающие в себя вышеуказанные три фотографии К., в том числе одну фотографию с изображением полового акта с участием К., т.е. содержащую сведения о частной жизни К., составляющие ее личную тайну [16]. Судя по приговору, «не установленное следствием лицо», предоставившее администратору фотографии, привлечено к ответственности не было.

Можно констатировать, что явление порноности наращивает свои масштабы и общественную опасность, что обусловлено в первую очередь различными проявлениями цифросексуализма, в особенности секстингом.

4. Цифросексуализм способствует расширению рынка порнографической продукции.

Негативные последствия оборота порнографической продукции являются достаточно распространенным предметом криминологических исследований, однако в эпоху развития цифросексуализма порнография приобретает новые черты и начинает выполнять новые социальные функции.

Американские социальные психологи Ф. Зимбардо и Н. Коломбе, рассматривая проблему десоциализации мужчин в современном обществе, отмечают, что «развивается особый род застенчивости в цифровом мире, и действовать в реальном мире становится

все сложнее и сложнее. Это превращается в игрока, личность – в наблюдателя, а реальность съезживается до размеров комнаты. Со всей определенностью можно утверждать, что стеснительность становится причиной пристрастия к играм и порно, но одновременно и их следствием». 51% молодых мужчин от 26 до 34 лет, отвечая на вопрос «Какую пользу приносит порно?», выбрали вариант «Компенсирует потребность в сексе» [17, с. 37, 270].

Психологи неразрывно связывают цифросексуализм и существование сексуальных суррогатов. Суррогат – это дополнительное множество вариантов расщепления отношений и секса, когда часть процесса обслуживает специальный человек или технология. Суррогатом может быть и сам секс, что предполагает его некоторую искусственность и неполноценность, как в примере с порно [18, с. 73].

В такой ситуации очевидно, что спрос на порнографическую продукцию будет способствовать увеличению масштабов порноиндустрии. При наличии в Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) нормы, устанавливающей ответственность за незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов (ст. 242), нужно рассматривать это в качестве криминологического риска.

Кроме того, не стоит забывать, что порнографические материалы используются и для удовлетворения девиантных сексуальных потребностей, в первую очередь касающихся сексуальных действий с детьми. Вывод о росте рынка порнографической продукции в эпоху развития цифросексуализма в полной мере применим и к таким порнографическим материалам. Исследования свидетельствуют, что «как правило, более 90% фактов распространения детской порнографии совершаются с помощью информационных ресурсов сети Интернет. Криминологами доказан факт того, что именно из-за массового распространения детской порнографии в сети Интернет, посредством электронных мессенджеров (таких, как «Viber», «WhatsApp», «Telegram») происходит ускоренный рост числа преступлений сексуального характера в отношении детей, начиная с грудного возраста» [19, с. 48]. Отсюда можно сделать вывод о взаимной детерминации распространения порнографической продукции с изображениями несовершеннолетних и посягательствами на половую неприкосновенность детей.

5. Цифросексуализм влечет трансформацию сферы коммерческих сексуальных услуг.

Сфера коммерческих сексуальных услуг, как и любой другой бизнес, неминуемо отреагировала на цифровизацию общественных отношений. «Первая волна» цифросексуализма привела к тому, что интернет-ресурсы стали использоваться как для рекрутинга в сферу коммерческих сексуальных услуг

[20, с. 22–31], так и для рекламы элитной проституции в социальных сетях, мессенджерах, *Darknet* [21, с. 179–185].

Помимо этого в настоящее время изменяется сам характер оказываемых сексуальных услуг. Распространение получает вебкам-порно, когда пользователь за деньги может наблюдать, как порно модели мастурбируют либо занимаются сексом перед веб-камерами в режиме реального времени. За плату пользователь может давать указания таким моделям совершать те или иные действия.

Развитие технологий теледильдоники породило новую сексуальную услугу: за плату можно привести в действие вибратор и в режиме реального времени через веб-камеру наблюдать за реакцией порно модели.

Исследователи справедливо отмечают, что технологии постепенно стирают грань между проституцией и порнографией [22, с. 291]. Это неминуемо порождает как неурегулированность новых общественных отношений нормами права, так и закономерные криминологические риски.

Вопросы вызывают возможности юридической оценки таких услуг. Получается, что лица, оказывающие сексуальные услуги онлайн, оказываются в более выигрышном положении, нежели те, кто оказывает традиционные офлайн сексуальные услуги. Их практически невозможно привлечь к ответственности по ст. 6.11 Кодекса РФ об административных правонарушениях, а организация оказания сексуальных услуг онлайн и вовлечение в такую деятельность не подпадают под квалификацию по ст. 241 и 240 УК РФ соответственно. Отсюда уже сейчас необходимо «уравнивание» юридических последствий для лиц, оказывающих сексуальные услуги онлайн и офлайн.

Кроме того, необходимо принятие мер, направленных на недопущение несовершеннолетних лиц к пользованию сексуальными услугами онлайн. Если для лиц, оказывающих сексуальные услуги офлайн, существует перспектива привлечения к уголовной ответственности за оказание таких услуг лицам, не достигшим 16-летнего возраста, по ст. 134 и 135 УК РФ, то онлайн-модели, оказывающие сексуальные услуги перед веб-камерой, не осознают, лицо какого возраста смотрит на них. Подчас единственным барьером между несовершеннолетним и получением сексуальных услуг онлайн является необходимость подтвердить наступление 18-летнего возраста путем нажатия на соответствующую кнопку на сайте.

6. Использование нейросетей для изменения внешности героев порнографического видеоконтента.

Для получения такого эффекта созданы программы, в которых нейросеть сопоставляет исходные фотографии с видеозаписью и заменяет лица героев ви-

деоматериала на желаемые пользователем. Первым следствием создания такого алгоритма явились порнографические видеофрагменты с «участием» известных актрис Галь Гадот, Скарлетт Йоханссон, Мэйси Уильямс, Обри Плазы и певицы Тейлор Свифт.

В настоящее время инструкция по использованию программного обеспечения для изменения внешности героев видео размещена на сайте rikabu.ru [23].

Возможные последствия и риски широкого применения таких программ очевидны. В первую очередь к ним относятся возможности вымогательства за нераспространение результатов модификации порнографического видео, а также репутационные риски для лица, ставшего «героем» порнографического материала. При этом юридические возможности защиты лица от этих деяний весьма ограничены. Анализ уголовно-правовых норм, которые на первый взгляд можно использовать для такой защиты, вызывает ряд вопросов по их применению.

Невозможно квалифицировать деяние по ст. 137 УК РФ, поскольку отсутствует предмет преступления: невозможно распространить сведения о частной жизни лица, которой (жизни) в действительности не было.

Проблематичным выглядит и привлечение к ответственности за клевету по ст. 128.1 УК РФ, по крайней мере в случае распространения сюжета с гетеросексуальными отношениями (хотя в силу разнообразия сексуальных практик и здесь могут быть исключения). Далеко не во всех случаях можно признать видеофрагмент, на котором человек занимается сексом, сведениями, порочащими честь и достоинство или подрывающими его репутацию.

Пожалуй, наиболее применимой в данном случае нормой УК РФ является ст. 163 в ситуациях, когда происходит вымогательство за нераспространение (прекращение распространения) порнографических материалов с изображением потерпевшего. Формулировка «под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких», используемая в ст. 163 УК РФ, охватывает значительную часть ситуаций, когда распространение порнографических материалов с изображением потерпевшего способно причинить вред его правам или законным интересам, однако не все их. Не упомянуты такие случаи и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)». Напрашивается вывод о том, что рассматриваемый криминологический риск может послужить основанием для совершенствования законодательства, а также для корректировки разъяснений выс-

шей судебной инстанции по применению уголовно-правовых норм.

7. Прогнозируемые криминологические риски «второй волны» цифросексуализма.

Если все перечисленные ранее криминологические риски так или иначе уже присутствуют в социальной и юридической действительности, то прогнозируемые риски «второй волны» цифросексуализма – это скорее взгляд в будущее, которое, правда, с учетом темпов развития технологий, может наступить очень скоро.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, – это технологии виртуальной реальности, используемые для удовлетворения сексуальных потребностей. Аппаратные и программные средства реализации таких технологий уже сейчас представлены на рынке. Примером может послужить *BKK Cybersex Cup* – комплект из шлема, в который вставляется смартфон, мастурбатора и программного обеспечения для смартфона, которое позволяет проигрывать VR-порно. Кроме технологий виртуальной реальности существуют и технологии дополненной реальности. Обе эти технологии позволяют «менять» образ сексуальных партнеров в целом или отдельные их характеристики (возраст, цвет кожи и др.), места совершения сексуальных действий, отыгрывать различные сюжеты и пробовать новые сексуальные практики.

Интерес для криминологической науки представляет удовлетворение девиантных сексуальных потребностей при помощи технологий виртуальной реальности, которое в реальной жизни повлекло бы наступление уголовной ответственности. В первую очередь это касается полового сношения и иных действий сексуального характера с лицами, не достигшими 16-летнего возраста, а также совершения насильственных сексуальных действий.

На сегодняшний день нет ответа на вопрос, как человек, попробовавший удовлетворять такие сексуальные потребности с использованием технологий виртуальной или дополненной реальности, будет вести себя в реальной жизни. Также следует задуматься о возможностях правового регулирования создания программного обеспечения, позволяющего удовлетворять девиантные сексуальные потребности с явно криминальной окраской.

Психолог из Университета Монреаля Патрис Рено и его коллеги используют технологии виртуальной реальности для диагностики педофилии и предлагают объединить синтетическую VR-порнографию с когнитивно-поведенческой терапией, считая это действенным инструментом борьбы с педофилией [24]. Если в закрытых условиях мест лишения свободы или психиатрических стационаров такие исследования вполне допустимы, то подобные эксперименты в открытых социальных условиях – слишком большой риск.

Примерно аналогичный набор проблем вызвало еще одно следствие «второй волны» цифросексуализма – появление секс-роботов (секс-кукол). Испанская компания *Lumidolls* как осуществляет продажу секс-кукол, так и предлагает их «аренду» в специальных отелях. Среди предлагаемых секс-кукол имеются и куклы из раздела *Teens*, выглядящие как подростки. Азиатский рынок секс-кукол пошел дальше и предлагает так называемых *Child Love Dolls*, т.е. секс-кукол, изображающих детей различных возрастов. Распространение таких кукол по всему миру ожидаемо привело к реакции властей отдельных государств. В Великобритании было выпущено юридическое руководство для прокуроров, используемое для привлечения к ответственности импортеров и потребителей секс-кукол [25].

Верховный суд Норвегии присоединился к Великобритании: он постановил, что секс-куклы, анатомически повторяющие образ несовершеннолетнего, должны быть запрещены. Мужчину, который в 2016 г. ввез из Гонконга такую «игрушку», приговорили к тюремному заключению в соответствии со ст. 311 Уголовного кодекса Норвегии, запрещающей ввоз изображений и предметов, сексуализирующих детей. Норвежская

полиция подтвердила, что заказы секс-кукол в виде детей из Азии стали частым явлением [26].

В России отсутствуют правовые нормы, регулирующие вопросы импорта, купли-продажи и использования секс-кукол и секс-роботов, в том числе сходных по внешнему виду с детьми. Наполнение российского рынка такими изделиями при отсутствии правового регулирования является существенным криминологическим риском, поскольку способно стимулировать сексуальное влечение к детям.

Рассмотренные риски цифросексуализма ориентируют криминологическую науку как на поиск эффективных способов предупреждения существующих противоправных явлений – посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних, порнографии, расширения рынка порнографии, коммерческих сексуальных услуг, так и на прогнозирование не встречавшихся ранее деяний, объективно представляющих опасность. Особую актуальность представляет изучение того, как повлияет использование технологий виртуальной и дополненной реальности, секс-кукол и секс-роботов на людей, удовлетворяющих явно отклоняющиеся сексуальные потребности, и на их поведение в реальном мире.

Пристатейный библиографический список

1. *McArthur N. & Twist M. L. C. The Rise of Digisexuality: Therapeutic Challenges and Possibilities // Sexual and Relationship Therapy. 2017. Vol. 32 (3-4).*
2. *Stasko E. C., Geller P. A. Reframing Sexting as a Positive Relationship Behavior // American Psychological Association (APA) : сайт. URL: <https://www.apa.org/news/press/releases/2015/08/reframing-sexting.pdf> (дата обращения: 12.05.2020).*
3. *Sext Much? If So, You're Not Alone // Scientific American: Science News, Articles, and Information : сайт. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/sext-much-if-so-youre-not-alone/> (дата обращения: 12.05.2020).*
4. *Солдатова Г. У., Шляпников В. Н., Журина М. А. Эволюция онлайн-рисков : итоги пятилетней работы линии помощи «Дети онлайн» // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 3 (87).*
5. *Исследование «Взрослые и дети в цифровом мире : когда онлайн встречается с офлайном» // Защита детей : сайт. URL: <https://kids.kaspersky.ru/digest/issledovanie-vzroslye-i-deti-v-tsifrovom-mire-kogda-onlajn-vstrechaetsya-s-oflajnom-pdf/> (дата обращения: 12.05.2020).*
6. *Sexting Statistics // Statistic Brain Research Institute : сайт. URL: www.statisticbrain.com/sexting-statistics/ (дата обращения: 12.05.2020).*
7. *Бастрыкин А. И. Преступления против несовершеннолетних в интернет-пространстве : к вопросу о криминологической профилактике и уголовно-правовой оценке // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1.*
8. *Алиева Е. А. Сеть Интернет как средство совершения развратных действий // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 4.*
9. *Приговор Сулейман-Стальского районного суда Республики Дагестан от 3 июня 2019 г. по уголовному делу № 1-41/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rGgk8953F0om/> (дата обращения: 12.05.2020).*
10. *O'Keeffe G. S., Clarke-Pearson K., Council O. C. The Impact of Social Media on Children, Adolescents, and Families // Pediatrics. 2011. No. 127 (4).*
11. *Лебедев С. Я., Валуев М. В. Преступное насилие под знаменем социальной справедливости : криминологическая оценка групповых преступлений, совершаемых современными «санитарами» общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 14.*

12. Черкашин А. В. Общественное движение борцов с сексуальными насильниками малолетних: помощь полиции или произвол? // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2014. № 3 (28).
13. Приговор от 14 октября 2014 г. по уголовному делу № 1-162 (14) // Архив Советского районного суда г. Брянска.
14. Соловьев В. С. Порноместь: сущность явления и проблемы его уголовно-правовой оценки // Уголовное право. 2017. № 6.
15. Постановление Засвияжского районного суд г. Ульяновска о прекращении уголовного дела № 1-434/2018 от 9 ноября 2018 г. // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1xAjaVzJObdN/> (дата обращения: 12.05.2020).
16. Приговор мирового судьи судебного участка № 36 Свердловского судебного района г. Костромы от 22 июля 2015 г. по уголовному делу № 1-19/2015 // URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/fNGdDce6EUUW/> (дата обращения: 12.05.2020).
17. Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве : игры, порно и потеря идентичности / пер. с англ. М. : Альпина Паблишер, 2017.
18. Коница М. А. Сексуальная эволюция. Любовь без секса или секс без любви? М. : АСТ, 2019.
19. Польшиков А. В., Серов Ю. В. Основные направления повышения эффективности мер борьбы с преступлениями, связанными с незаконным изготовлением и оборотом порнографических изображений // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2019. № 5-1.
20. Алихаджиева И. С. Преступность, связанная с проституцией, в социальных сетях Интернета (по материалам судебной практики) // Актуальные проблемы современной юриспруденции : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции : в 2 ч. Ч. 1 / под ред. С. Л. Никоновича. М. : Русайнс, 2018.
21. Алихаджиева И. С. Организация занятия элитной проституцией в сети Интернет // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8. №4 (29).
22. Варламова Д., Фоер Е. Секс: от нейробиологии либидо до виртуального порно. Научно-популярный гид, 2-е изд., испр. и доп. М. : Альпина нон-фикшн, 2019.
23. Инструкция: Как запустить нейросеть меняющий лица актрис на видео «для друга» // Пикабу : сайт. URL: https://pikabu.ru/story/instruktsiya_kak_zapustit_neyrosset_menyayushchiy litsa_aktрис_na_video_dlya_druga_5625749/author (дата обращения: 12.05.2020).
24. Could Sex Robots and Virtual Reality Treat Paedophilia? // New Scientist : сайт. URL: <https://www.newscientist.com/article/2099607-could-sex-robots-and-virtual-reality-treat-paedophilia/> (дата обращения: 12.05.2020).
25. Sex Dolls – Childlike // The Crown Prosecution Service : сайт. URL: <https://www.cps.gov.uk/legal-guidance/sex-dolls-childlike> (дата обращения: 12.05.2020).
26. Childlike Sex Dolls a Violation of Law, Norwegian Court Rules // The Independent : сайт. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/child-sex-dolls-illegal-norway-supreme-court-ruling-a9101291.html> (дата обращения: 12.05.2020).

References

1. McArthur N., Twist M. L. C. The Rise of Digisexuality: Therapeutic Challenges and Possibilities. *Sexual and Relationship Therapy*. 2017. Vol. 32 (3-4).
2. Stasko E. C., Geller P. A. Reframing Sexting as a Positive Relationship Behavior. URL: <https://www.apa.org/news/press/releases/2015/08/reframing-sexting.pdf> (date of the application: 12.05.2020).
3. Sext Much? If So, You're Not Alone. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/sext-much-if-so-youre-not-alone/> (date of the application: 12.05.2020).
4. Soldatova G. Iu., Shliapnikov V. N., Zhurina M. A. The Evolution of Online Risks: The Results of the Five-Year Work of the Online Children Help Line. *Advisory Psychology and Psychotherapy*. 2015. No. 3 (87).
5. Survey "Adults and Children in the Digital World: When Online Meets Offline". URL: <https://kids.kaspersky.ru/digest/issledovanie-vzroslye-i-deti-v-tsifrovom-mire-kogda-onlajn-vstrechaetsya-s-oflajnom-pdf/> (date of the application: 12.05.2020).
6. Sexting Statistics. URL: www.statisticbrain.com/sexting-statistics/ (date of the application: 02.05.2020).
7. Bastrykin A. I. Crimes Against Minors in the Internet Space: On the Issue of Victimological Prophylaxis and Criminal Legal Assessment. *Russian Journal of Criminology*. 2017. Vol. 11. No. 1.
8. Alieva E. A. The Internet as a Means of Committing Depraved Actions. *Gaps in Russian Legislation*. 2017. No. 4.
9. Sentence of the Suleiman-Stalsky District Court of the Republic of Dagestan of 3 June 2019 in criminal case No. 1-41/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rGgk8953F0om/> (date of the application: 12.05.2020).

10. O'Keeffe G. S., Clarke-Pearson K., Council O. C. The Impact of Social Media on Children, Adolescents, and Families. *Pediatrics*. 2011. No. 127 (4).
11. Lebedev S. Ia., Valuev M. V. Criminal Violence Under the Banner of Social Justice: A Criminological Assessment of Group Crimes Committed by Modern "Orderlies" of Society. *Theory and Practice of Social Development*. 2015. No. 14.
12. Cherkashin A. V. Social Movement of Fighters Against Sexual Rapists of Minors: Police Assistance or Arbitrariness? *Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2014. No. 3 (28).
13. Sentence of 14 October 2014 in criminal case No. 1-162 (14) (Archive of the Sovetskii District Court of Bryansk).
14. Soloviev V. S. Revege Porn: The Essence of the Phenomenon and the Problems of Its Criminal Law Assessment. *Criminal Law*. 2017. No. 6.
15. Decision of the Zsviiiazhskii District Court of Ulyanovsk on the termination of the criminal case No. 1-434/2018 of 9 November 2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1xAjaVzJObdN/> (date of the application: 12.05.2020).
16. Sentence of the Magistrate of the Judicial District No. 36 of the Sverdlovsk Judicial District of the City of Kostroma of 22 July 2015 in criminal case No. 1-19/2015. URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/fNGdDce6EU UW/> (date of the application: 12.05.2020).
17. Zimbardo F., Colombe N. A Man in Isolation: Games, Porn and Loss of Identity. Moscow: Alpina Publisher, 2017.
18. Konina M. A. Sexual Evolution. Love Without Sex or Sex Without Love? Moscow: AST, 2019.
19. Polishkov A. V., Serov Iu. V. The Main Directions of Increasing the Effectiveness of Measures to Combat Crimes Related to the Illegal Production and Trafficking of Pornographic Images. *Public Security, Law and Order in the III Millennium*. 2019. No. 5-1.
20. Alikhadzhieva I. S. Crime Related to Prostitution in Social Networks of the Internet (Based on Judicial Practice). In Nikonovich S. L. (ed.). Actual Problems of Modern Jurisprudence. Collection of Scientific Papers of the International Scientific-Practical Conference. In 2 parts. Part 1. Moscow: Rusains, 2018.
21. Alikhadzhieva I. S. Organization of Elite Prostitution on the Internet. *News of South-Western State University. Series: History and Law*. 2018. Vol. 8. No. 4 (29).
22. Varlamova D., Foer E. Sex: From the Neurobiology of Libido to Virtual Porn. Popular Science Guide. 2nd ed. Moscow: Alpina Non-Fiction, 2019.
23. Instructions: How to Run a Neural Network That Changes the Faces of Actresses on a Video "for a Friend". URL: https://pikabu.ru/story/instruktsiya_kak_zapustit_neyroset_menyayushchiy_litsa_aktris_na_video_dlya_druga_5625749/author (date of the application: 12.05.2020).
24. Could Sex Robots and Virtual Reality Treat Paedophilia? URL: <https://www.newscientist.com/article/2099607-could-sex-robots-and-virtual-reality-treat-paedophilia/> (date of the application: 12.05.2020).
25. Sex Dolls – Childlike. URL: <https://www.cps.gov.uk/legal-guidance/sex-dolls-childlike> (date of the application: 12.05.2020).
26. Childlike Sex Dolls a Violation of Law, Norwegian Court Rules. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/child-sex-dolls-illegal-norway-supreme-court-ruling-a9101291.html> (date of the application: 12.05.2020).